

— Григорий Яковлевич, включая как телевизор, показывают передачу «Под знаком Зодиака». Думаю, нужно посмотреть, болело уж название заманчивое, непонятное. И впрямь — за столиками с шампанским собрались знаменитости из мира искусства, ведущий ловко жонглирует шутками, представляет улыбающихся спонсоров. И вдруг за одним из столиков вижу вас. Меня это, честно говоря, слегка удивило: вы вроде бы человек, далекий от желания мелькнуть на экране.

— Когда мы все вместе, и Булат Окуджава, и Людмила Сараскина, и Фазиль Искандер, и я, увидели столь пышное великолепие, мы хотели и даже попытались уйти. Но было уже поздно и нельзя было обидеть режиссера. Пошли же мы потому, что началась подписная кампания, взлетели цены, нужно было помочь журналу, вообще так называемым толстым журналам помочь. И я, и мы все использовали эту возможность. И о планах журнала рассказали огромной телевизионной аудитории, и к прави-

— Не знаю, какую активность писателей и кого именно вы имеете в виду. Вот был такой поэт Борис Олейник. Уж какие только он посты не занимал, включишь телевизор — он либо в президиуме, либо на трибуне. А Горбачева только что не целовал персонально во все места, за что и прозван был карманным поэтом. Но вот Горбачев — президент — и прозрел Олейник, написал про своего шефа нечто несусветное по глупости: дескать, Горбачев — князь тьмы и прислан к нам из космоса... Литература — дело опасное, как ни исхитряйся, а взялся за перо, и тебя видно насквозь...

Но, думаю, вы не о такого рода активности спрашиваете. Интеллигенция в эти годы сделала очень много для того, чтобы люди осознали себя людьми, вдохнули глоток свободы, чтобы общество наше двинулось к

— Зная ваши взгляды, вас трудно заподозрить в приверженности к империи. Или вы все же склонны...

— Какой из меня империалист... Но империи так же, как люди, — рождаются, входят в зрелость, стареют, умирают. Однако раньше-то времени никто не спешит умирать. Кто к этому торопится? Да и вообще странная это была империя. Под Средней Азией, специалистам это давно было известно, залегают богатейшие нефтеносные пласты, они еще обогатят народы, живущие там. А нефть гнали из Сибири. Самотлор выкачали, как вычерпали. И нефть, и лес, и ток электрический. Перегораживали богатейшие реки, заливали плодородные земли. Тут все было возможно под тяжкой дланью хоть деспота, хоть созданной им системы: и Урал подвергнуть радиации, но так, что и слух об этом просочится не скоро, и Арал уничтожить. Фантазия

прещенные книги. Это уже сложнее. Долго исследовали ее в Москве, и в Воронеж отправили, по месту действия. Мы боролись за книгу, автор это знал. Но одновременно и у нас были свои не претензии, нет, — просьбы. Например, пишет Жигулин без жалости, как для побега им надо было зарезать охранника. Мальчик, ээк, для кого охранник — враг, так вправе рассказать, но писатель, умудренный жизнью и страданиями, на мой взгляд, рассуждать так не может. Вот же на заседании Конституционного суда Лев Разгон говорил, что система погубила не только миллионы в лагерях, но растлила миллионы душ таких вот мальчиков, которых сделала охранниками лагерей. Переубедить Жигулина мне, к сожалению, не удалось.

Но вот, наконец, после многих месяцев приходят ко мне в кабинет двое

И вот бы самое время сказать: а раньше этого не было. Не было. А что было? А было вот что: Пятаков, когда арестовали его жену, как выяснилось, просил у Сталина разрешения лично расстрелять ее, да чтобы об этом было написано в газетах. Жену расстрелять, чтобы самому спастись. Вот это честь, вот это мораль общества. А жены, которые отрекались от мужей? А как от несчастных шархалось соседи? Как от прокаженных. Тыщу лет назад смотрел я картину «Великий гражданин», но помню этот кадр: мимо гроба Великого гражданина, то есть Кирова, в толпе проходит убийца. Это что, не призыв искусства казнить, вылавливать, стрелять? Мол, они здесь, среди нас, они живы, целы, ищите их. Недавно картину эту вновь показали, я включил телевизор, когда шли уже последние кадры. И вот на похоронах некий убоженный сединами праведник взывает: «Священная беспощадность к единицам во имя счастья миллионов!» Каково? Нет, у каждого времени — свои цветочки, свои ягодки.

Но были и личности, которые шли против течения, нарушая единую поступь размеренного марша.

— Были. Хотя их-то и уничтожали в первую очередь. Есть такая известная история: в древности один правитель послал своего, скажем так, визиря к другому правителю разузнать, как тот добивается, что у него тишь да гладь и все подданные — послушные, а у них — смуты да смуты. Прибыл визирь, спрашивает. А правитель повел его в хлебное поле, идет и срывает самые крупные, самые лучшие колосья, сорвет и бросит, сорвет и бросит. «Так как же ты управляешь своими подданными?» — спрашивает визирь. «А вот я тебе показал сейчас...»

Лучших у нас уничтожали всю эту кровавую эпоху. После всех неисчислимых потерь можно только диву даваться, что мы не выродились как народ. Может, потому и не выродились, что все время происходило оздоравливающее смещение кровей, не только лилась кровь, но и смешивалась в ладях. Не знаю, не берусь утверждать. Но сколько талантов и миру дали, и в стране живут! И создали великую, мирового уровня науку и великую — повторю, великую — литературу.

— Григорий Яковлевич, уже, кажется, стало общим местом хоронить отечественную литературу. Постоянный мотив: новых талантливых имен практически нет, а вскоре они и вовсе исчезнут. Согласны вы с этим?

— Нет, разумеется, не согласен. В каждом номере нашего журнала, как правило, — новое имя. Но не только новыми и молодыми жила литература. Работают в полную меру своего таланта известные художники. Вот сейчас у нас в журнале есть проза Макакина, Окуджавы, Головина, ждем Быкова, Искандера... Тесно от рукописей по-настоящему талантливых, и главная наша работа — сегодня не о том, что напечатать, где взять, а как все это богатство разместить. Год обещает быть интересным. После паузы, когда журналы жили тем, что десятилетия находилось под запретом, литература возрождается, а это — первый признак, что возрождается жизнь. Нам все время хотелось, чтобы журнал наш стал точкой приложения сил талантливых, думающих людей. Вот, кажется, таким он и становится.

— Ну, хорошо, а есть вам о чем пожалеть в жизни?

— Праведники обитают только на небесах, а мы на земле живем, на грешной нашей земле, да и не в самое благоприятное время. Но я не жалею, что именно в это время выпало мне жить. Однако нет в мире ни в чем не виноватых, и невозможно прожить жизнь, о чем-то не пожалев. Но если о главном говорить, то все же что-то в жизни я сделал. Не в тылу во время войны спасался, хотя мог бы, бронь у меня была, я ведь в авиатехникуме учился и на авиационном заводе работал слесарем, штурмовики ИЛ-2 мы делали. И не Кремль я охранял во время войны, где помимо того, что

жизнь даровалась за счет чужих жизней, кормили так, что не забыть бы подборонок масляный утереть, а народ с голоду помирал. Как большинство моих ровесников, был я на фронте солдатом, потом стал офицером, словом, делал то, что и должно было делать. И вернулся с сознанием, что ничего значительней я уже не совершу, главное дело моей жизни я сделал. Как бы ни воевали, что бы про это ни говорилось теперь, а мы родины спасли.

И — после войны. Времена меняются, но ни за одну из написанных мною книг стыдиться мне не приходится.

Что же до разочарования, которое сегодня многих постигло, так, знаете, когда рождается ребенок, это не очень красивое зрелище. Но это — человек рождается.

— Григорий Яковлевич, вы заканчиваете вторую часть невиданных рассказов «Входите узкими воротами»? Первая была опубликована в сентябрьской книжке «Знамени», а вторая когда будет?

— Ну, до окончания далеко, хотя что-то в этом году надеюсь еще опубликовать.

— Все, о чем вы рассказываете в книге, так современно с точки зрения этических, нравственных проблем, что создается ощущение, будто это — из дня сегодняшнего.

— Вы вроде бы удивляетесь, а мне странно ваше удивление. «Входите узкими воротами» — это книга о времени, о том, что было, о тех, кто живет сегодня, кто недавно жил — в общем, о том, как мы живем. Почему же она может быть несвоевременной? Не знаю, как другие, а я не планирую книги, пишу ту, которая пришла в этот момент, которая мне интересна.

В свое время существовал пародийный рассказ, как в Союзе писателей обсуждают пьесу Софронова, был такой литературных запячных дел мастер. И вот известный писатель выступает о ней с речью: «Конечно, пьеса эта не лезет ни в какие ворота. Что мы должны сделать? Мы должны построить для нее новые, красивые, широкие ворота...» Все, кто входил в жизнь через такие широкие, для них специально построенные красивые ворота, кто этого добивался и добивается ныне (а наша система для них — мать родная, она их любит, приглубляет), все они в жизни не оставили никакого следа. Разве что наследили. Помните известное крылатое выражение: «Писатель без власти — не писатель». Так вот и писатели, и правители наши многие, как только лишились власти и поста, вспомнили их было нечем, вроде бы и не жили вовсе. Это и сегодня ждет многих, жаждущих чинов, льгот, особых отличий.

«Входите узкими воротами» — это из Библии, а Библия вечна. Узкими воротами входят те, кто ради себя живет, кто пришел в мир, чтобы дать людям, а не у людей отнять. Да это же и высшее удовлетворение: отдавать, а не брать. В том, кстати говоря, и назначение литературы: обогащать жизнь.

А когда пишется книга, как правило, сама собой приходит другая. И уже хочется скорее эту кончить, чтобы за ту взяться.

— Была бы она о любви, без политики...

— О любви... Вот самому странно, а я как раз такую книгу начал, получится ли — Бог весть. Только время-то наше такое политизированное, такое грозное, что и это не откинешь, без этого не обойтись. Хотя, конечно, политические страсти преходящие, а любовь — она на все времена.

— И в конечном счете всем на свете и движет?

— Не знаю, всем ли она движет на свете, но «Дама с собачкой» Чехова мне гораздо ближе и дороже, чем, скажем, книга Чернышевского «Что делать?», которую в школе по обязанности прочел и никогда перечитывать не стану.

Беседу вел
Елена ГРАНДОВА
Фото Александра КАРЗАНОВА



... Но «Дама с собачкой» мне дорожке

тельству обратились: надо субсидировать библиотеки, чтобы они выписывали не по одному комплекту журналов. Тогда и неимущие смогут читать литературу, а есть, есть, появляются талантливые книги. Пока жив народ, жива его литература, именно в толстых журналах она и жива. И через библиотеки журналы получают дополнительных подписчиков. Я повторяю это вновь и вновь: через полгода — новая подписка.

Для журнала мне не стыдно было и с шапкой по кругу пойти, когда в феврале у нас образовался дефицит в 17 миллионов рублей. Для себя я просить не стану, а потребую для журнала — вновь пойду.

Вы подумайте, до чего дня журнал наш стоит два с половиной, то есть практически он бесплатный. Но мы взяли обязательства перед подписчиками в прошлом году, и мы их выполняем. В тот критический момент нам помогли сначала коммерческие структуры, фонд «Культурная инициатива» помог пяти журналам, но самую большую помощь нам в той же мере, как и всей остальной прессе, оказало правительство по ходатайству Министерства печати и массовой информации. Всем, кто нам помог, мы поминемо выражаем признательность в итоговом. Двенадцатом номере журнала за этот год. Только благодаря этому мы выстояли. Но если бы взамен предложили изменить направление, чем-то поступиться — вот на это мы бы не пошли.

Кстати, последнее руководство Союза писателей СССР во главе с Карповым именно этого и требовало, хотело прибрать журнал к рукам, сделать его ручным, подало в суд, пыталось, как они выражались, перекрыть нам кислород. Восемь месяцев суда — это надо было выдержать. Но «Знамя» выстояло. И когда Верховный суд России признал нашу правоту, этот день, 7 июня, мы объявили Днем независимости журнала и нерабочим днем.

— Нет у вас ощущения, что сегодня интеллигенция как-то приутихла, замкнулась, что ли, по своим углам? А ведь как активны были писатели.

новой жизни. Как ни тяжело нам сейчас, но это движение к будущему, а не к прошлому, не за колючую проволоку, куда и сегодня столько охотников загнать народ.

Однако не будем и другого забывать: именно интеллигентны, многие интеллигентны особенно заострили национальные проблемы. Намерения их, возможно, были благие, но видеть надо хотя бы на два шага вперед, учитывать последствия. Народ, который долго жил под властью деспотии, не может естественно и легко перейти к свободе, остается угроза страшного взрыва, его-то и надо избежать. Это все равно что водолаз из глубин — да на поверхность сразу. Вся кровь всплывет. Вот она и закипела. Национальные проблемы в нашей стране — самые сложные, они, как незажившая ожоговая рана, на которую и подуть-то больно.

Я это не впервые говорю. Когда была последняя встреча Горбачева с интеллигенцией страны, тогда еще всей страны, я именно об этом говорил.

Пролитая кровь, пережитые трагедии должны чему-то учить. И те, кто сегодня разжигает национальные страсти, ожесточает народ, — преступники.

— Как вы ощущаете себя вне той страны, которую отаеывали на фронте?

— Как в семье, где только что произошел развод, и все друг друга подозревают, ожесточились, делают совместно найтвое, норовят что-то лишнее ухватить... И тяжело, и стыдно, а погибшим, убитым, замученным в этих вспыхнувших кровавых расприх уже ничего не надо.

Помните, как некий писатель на первом депутатском съезде страны заявлял ханжески, что, может быть, нам, России, отделиться, пока еще хоть кое-что осталось, и это встретили аплодисментами? От кого же России отделиться? От самой себя? От великих трудов дедов, прадедов? Вот — отделились. Ну, и где остановимся? На молекулярном уровне? И будут правнуки наши опять собирать страну из осколков?

и невежество деспотов неисповедимы. Гитлер, например, в одной из застольных бесед выдвинул план засадить плодородные земли Украины крапивою и из нее что-то выделять. (Кстати, эти беседы можно будет вскоре прочитать в журнале «Знамя»). Но Сталин по части уничтожения своего народа превзошел всех. И был в этом подлинный интернационалист: за проволоку, в лагерь все национальности загнал, ни одну не обделил своим вниманием. Он и мертвый ставит народы: одних изгонял с земель, других переселял, закладывая семена вражды, а теперь люди убивают друг друга: отдай, мол, мое.

Так может ли безболезненно распадаться такая империя? И что, сразу образовались сплошь свободные государства? Да вы посмотрите, сколько маленюх империй возникло, сколько их возникнет еще. Это тяжкий процесс, и все тут — по живому, по людским жизням и сердцам. Я, например, убежден: минет время, и многие бывшие республики еще воссоединятся, но на других принципах, сила взаимного притяжения соединит их. Только — взаимного притяжения.

Но это рассуждение не политика, а писателя, я не политик и быть им не хочу.

— При всем том заниматься ею вам приходится. Быть главным редактором журнала «Знамя», значит быть не только литератором, но и политиком. Ведь многие вещи, опубликованные в журнале, становились и политическим, и литературным явлением, а вы, к примеру, «Черные камни» Анатолия Жигулина.

— У этой книги особая судьба, хотя про каждую публикацию можно рассказать многое. В то время без штампа цензуры ни одна рукопись не могла быть напечатана. Но кроме общей цензуры Главлита, была еще и особая — цензура КГБ. Вот туда, в это ведомство, Главлит сразу же и направил «Черные камни». Но мы упреждали их, объявили книгу на обложке журнала раньше, чем они ее прочли, заранее взяли на себя ответственность. Теперь не напечатать ее — значило запретить. Но запретить, когда начали возвращаться из небытия за-

в штатском. Одного из них я знал — генерал КГБ. Другой, в темных очках, мне неизвестен. И долгий, тяжкий разговор, смысл которого: не печатать «Черные камни». Или принять такие поправки, которые погубят книгу. Интересная подробность: зачитывают претензии, а сам этот лист мне в руки не дают. И вот последний аргумент: «Он ненавидит органы!» «А вы, — спрашиваю, — если б вас посадили на десять лет да еще били бы, как били его, любили бы органы?» В общем, не поддались мы, напечатать.

— Поддаваться или не поддаваться — вопрос, видимо, для журнала уже так не стоит. Но и сегодня жизнь подбрасывает нам сложные политические сюжеты. Если можно, Григорий Яковлевич: бываю ли у вас минуты отчаяния?

Отчаяния — нет! Бывает тревожно, тяжело, всем сейчас нелегко. Вот прочел недавно: мать, оставшись без работы, на двадцатый день убила детей своих и выбросила из окна. Старший сопротивлялся, не хотел умирать. Лучшее б ты в окно выбросилась до того, как у тебя рука на детей поднялась. Жизнь детей распорядилась... Мы в это время курьера искали на неплохую зарплату. Да иди полы мой в подъездах, улицы мети, вся Москва вон в грязи, а не детей убивать. Их жизни — это их жизни, никто не смеет их отнять.

Сейчас только и разговоров: вот разложение пошло, отброшена мораль, забыты честь, совесть. Да, мне на многих нынешних палаточников смотреть противно. Прошел недавно до Арбату — тяжкое зрелище. Тот же рынок и в культуре. Наряду с чистыми, удивительно талантливыми рукописями я другой раз читаю такое, что от стыда волосы шевелятся, благо их уже немного осталось. Вся интимная жизнь выворочена на всеобщее обозрение, да со смаком, да мат сплошной. Критики находят в этом некий протест против так называемой литературы социалистического реализма, находят научные объяснения. Не верю я в это, идет обычная торговля с лотка: в метро — календажи, на которых голые тела в непристойных позах, тут — непристойности под видом литературы.